

Лебедев Д. А., свящ. К вопросу об антиохийском соборе 324 г. и о «великом и священном Соборе в Анкире» // Богословский вестник 1916. Т. 2. № 7/8. С. 482—512 (1-я пагин.). (Начало.)

Къ вопросу объ антиохійскомъ соборѣ 324 года и о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“.

II.

Разборъ статьи *A. Harnack'a*, Die angebliche Synode von Antiochien im Jahre 324/5, Zweiter Artikel, въ Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. 1909. XIV. Gesamtsitzung 11 März. SS. 401—425 ¹⁾).

Вторая статья А. Гарнакка „Мнимый антиохійскій соборъ въ 324/5 году“ вызвана появленіемъ въ *Nachrichten von der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse* 1908, Heft 3. SS. 305—377—VII-го Mittheilung *Э. Швартца* „Къ исторіи Аванасія“, представляющаго обстоятельный и прямо уничтожающій разборъ первой его статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Тонъ этой второй статьи берлинскаго богослова уже далеко не такой самоувѣренный, какъ въ первой статьѣ: здѣсь онъ не столько нападаетъ, сколько обороняется. Но эта вторая статья представляетъ собою въ сущности послѣднее слово науки со стороны противниковъ подлинности открытаго Швартцемъ документа, и Лоофсъ и всѣ другіе ученые, которые находили, что Гарнаккъ вышелъ побѣдителемъ въ этой полемикѣ,—по крайней мѣрѣ до середины 1914 года, когда все совершающееся въ нѣмецкомъ научномъ мірѣ стало для насъ книгой за семью печатями—не привнесли отъ себя ни одного самостоятельнаго аргу-

¹⁾ Ср. Христ. Чтеніе, 1911 г. июль-августъ, стр. 831—858, сентябрь, стрр. 1008—1023 и Труды Киев. Дух. Академіи 1914 г., апрѣль, стрр. 585—601, июль-августъ, стрр. 496—532, ноябрь, стрр. 330—360 и 1915 г., январь, стрр. 75—117. Ср. также Визант. Времен. т. XIX. (1912 г.), отд. II, стрр. 55—146.

мента противъ Швартца и просто только соглашаются съ Гарнаккомъ. Поэтому, хотя самъ Швартцъ, слѣдуя спартанскому правилу: „бѣгущаго не преслѣдовать“, *φεύγοντα μὴ διώκειν* ¹⁾, и не нашель нужнымъ отвѣчать на эту статью Гарнакка, разборъ ея будетъ далеко не излишенъ, тѣмъ болѣе, что Гарнаккъ тутъ выдвигаетъ и другой интересный вопросъ о подлинности актовъ кельнскаго (агриппинскаго) собора 346 года.

У меня разборъ этой статьи написанъ былъ осенью 1910 г. Я пользовался имъ и въ своей первой краткой статьѣ объ антиохійскомъ соборѣ 324 года, появившейся въ 1911 году въ Христіанскомъ Читаніи, и въ разборѣ первой статьи Гарнакка на страницахъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1914—1915 гг. Воспроизвожу его поэтому здѣсь съ необходимыми сокращеніями, опускаая тѣ отдѣлы, которые уже появились въ печати и замѣняя ихъ ссылками на печатныя статьи, но также и съ необходимыми дополненіями. Дополненія въ особенности необходимы въ важнѣйшемъ отдѣлѣ этой статьи, посвященномъ кельнскому собору 346 года, такъ какъ уже по окончаніи ея мнѣ стали доступны относящіяся къ этому собору статьи Дюшена ²⁾ и особенно — Ambrosius'a Söder'a ³⁾, у котораго изданы вновь по рукописямъ и самыя акты собора.

I.

Послѣ небольшого (въ 10 строкъ) введенія, въ которомъ Гарнаккъ нѣкоторую медленность своего отвѣта Швартцу объясняетъ ожиданіемъ, что возметъ слово кто-нибудь изъ другихъ богослововъ (Fachgenossen), и заявляетъ, что, разъ этого не случилось, то онъ уже не находитъ болѣе возможнымъ молчать, чтобы не получилось фальшивое впечатлѣніе (damit kein falscher Schein entstehe) — берлинскій профессоръ весьма искусно — начинаетъ свою критику изложеніемъ хода

¹⁾ E. Schwartz, Busstufen und Katechumenatsklassen. Strassburg, 1911. S. 39, Anm. 2.

²⁾ L. Duchesne, Le faux concile de Cologne (346) въ Revue de l'histoire ecclésiastique t. III. 1902. pp. 16—29.

³⁾ P. Ambrosius [Söder] in Metton, Die erste Kirchenversammlung auf deutschem Boden въ Studien und Mittheilungen aus dem Benedictiner- und dem Cistercienser-Orden 1883. Heft. II, SS. 295—305, H. III. SS. 67—81, H. IV. SS. 344—354, 1884. Heft. I, SS. 83—98.

событій 324—5 гг., какой Швартцъ (SS. 370 ff. cf. 366 ff.) выводитъ изъ новыхъ документовъ, — излагаетъ его (SS. 401—403), пользуясь почти исключительно словами самого Швартца, и пытается—довольно успѣшно—показать несостоятельность такого изложенія (SS. 403—409).

При этомъ знаменитый богословъ, какъ будто, совсѣмъ забываетъ поставить вопросъ: да насколько правильны тѣ выводы, какіе Швартцъ дѣлаетъ изъ открытаго имъ документа, и не возможно ли совсѣмъ иное его пониманіе, при которомъ исчезнуть рѣшительно всѣ тѣ несообразности, какія подчасъ справедливо Гарнаккъ указываетъ у Швартца.

Изъ дальнѣйшаго, надѣюсь, будетъ ясно, что Гарнаккъ оказывается правымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ Швартцъ дѣлаетъ изъ открытаго имъ документа выводы, на которые не уполномочиваетъ самый документъ; а когда выводы Швартца не расходятся съ документами, то противорѣчія и несообразности существуютъ лишь въ воображеніи самого Гарнакка. Да и взгляды самого Швартца излагаются Гарнаккомъ не всегда точно.

I.

SS. 366—372 своей статьи Швартцъ излагаетъ ходъ и смыслъ событій 324—5 гг. сначала (SS. 366—370) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по старымъ источникамъ, и затѣмъ уже (SS. 370—372) пытается выяснитъ, что новые документы не только не стоятъ ни въ какомъ противорѣчій съ этимъ изложеніемъ, но и разъясняютъ нѣкоторые темные вопросы, напр. ту роль, какую игралъ на никейскомъ соборѣ Евсевій кесарійскій, далѣе строгость императора въ отношеніи къ Арію, стоящую въ видимомъ противорѣчій съ его посланіемъ къ Александру и Арію, и наконецъ, почему униженіе Евсевія никомидійскаго было усилено еще тѣмъ, что совершилось въ его собственной провинціи.

Швартца, какъ свѣтскаго ученаго, интересуетъ, конечно, главнымъ образомъ политика Константина в., да и въ самомъ арианскомъ спорѣ онъ видитъ прежде всего борьбу сначала александрійскаго епископа съ его пресвитерами, отстаивавшими свою относительную независимость отъ епи-

скопа, а затѣмъ борьбу за власть между вліятельными епископами.

По старымъ источникамъ, Константинъ в. безспорно былъ на сторонѣ Арія. Это доказываетъ посланіе Константина къ Александру и Арію. „По наружности“—говоритъ Шварцъ (S. 369)—„императоръ ставилъ себя“ въ немъ „выше партій, на дѣлѣ онъ поддерживалъ Арія“. Это доказываетъ ясно тотъ фактъ, что въ этомъ письмѣ императоръ ставитъ Александра на одну ногу съ его пресвитеромъ и не говоритъ ни слова о его правахъ надъ нимъ, какъ епископа надъ пресвитеромъ. А тотъ фактъ, что соборъ созванъ былъ въ Никею, въ городъ, находившійся въ церковной провинціи Евсевія никомидійскаго (въ Визиніи), и онъ именно привѣтствовалъ императора на соборѣ рѣчью, доказывалъ, повидимому, что на сторонѣ Арія Константинъ оставался и при самомъ открытіи этого собора „Но исходъ“ собора „означалъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ побѣду“ Евсевія и Арія. Аріанскія формулы были осуждены; но не было принято и Credo Александра александрійскаго, а введено было нѣчто совсѣмъ новое для востока—„западное единство существа Отца и Сына“. Ясно, что совѣтникомъ Константина былъ Осій кордубскій.

По новымъ документамъ оказывается, что Константинъ в. сначала думалъ собрать не вселенскій соборъ, а повидимому только соборъ епископовъ азіатскихъ провинцій (въ спорномъ указѣ Константинъ вѣдь говоритъ, что на соборъ идутъ и епископы Италіи и прочихъ частей *Европы*, *Shwartz*, VII, 340), и созвалъ его въ Анкиру, епископскую кафедру Маркелла. „Какой планъ онъ имѣлъ“ при этомъ въ виду, „нельзя угадать“¹⁾. „Но приверженцы Александра изъ избранія Анкиры, какъ мѣста собора, заключили, что императоръ рѣшитъ“ споръ „въ ихъ пользу“, и по инициативѣ нѣкоторыхъ „горячихъ головъ“ въ Сиріи и сосѣднихъ съ нею провинціяхъ состоялся соборъ въ Антіохіи, который шелъ прямо въ разрѣзъ съ намѣреніемъ Константина²⁾.

Императоръ не замедлилъ высказать свое неодобреніе этому

¹⁾ Was er plante, lässt sich nicht erraten.

²⁾ S. 371. Der Sache nach dies improvisierte Concil der vom Kaiser in die Wege geleiteten Entscheidung in kühner, um nicht zu sagen unverschämter Weise vergriff.

шагу восточныхъ епископовъ ¹⁾: онъ перенесъ соборъ въ Ни-кею, показывая этимъ, что Евсевій никоидійскій еще живъ, и императоръ умѣетъ устранить возможность всякаго предсказанія о своей милости или немилости. Вмѣстѣ съ этимъ соборъ превращается во вселенскій, и императоръ хочетъ присутствовать на немъ лично.

На соборѣ императоръ вмѣшивается съ самаго начала и самъ лично реабилитируетъ Евсевія *cum sociis*. Но императоръ былъ далекъ отъ того, чтобы покровительствовать и Арію: онъ имѣлъ слишкомъ мало силы позади себя, какъ показалъ это антиохійскій соборъ, и кромѣ того Осій могъ разъяснить императору, какъ опасно подѣйствовало бы рѣшеніе въ пользу формулъ Арія на западѣ. Поэтому онъ пожертвовалъ пресвитеромъ. Но императоръ не желалъ также содѣйствовать и блестящему триумфу александрійскаго патріарха, потому что тогда онъ одобрилъ бы въ сущности антиохійскій соборъ, перечеркнувшій его планы. Ничего не оставалось ему дѣлать, какъ провести на соборѣ западныя формулы. „Разсчитливый деспотъ“ конечно хорошо понималъ, что эти формулы будутъ крайне непріятны восточнымъ епископамъ; но онъ зналъ также, что церковь, которой онъ далъ возможность участвовать въ славѣ его побѣды, не можетъ отказать ему въ исполненіи его желанія и не принять въ свое *Credo* слово, которое можно будетъ потомъ перетолковывать какъ угодно. И ему удалось потомъ вернуть въ церковь не только Евсевія никоидійскаго, но и самого Арія. И когда Аѳанасій рѣшительно отказался принять въ общеніе ненавистнаго пресвитера, императоръ повелъ борьбу уже прямо съ александрійскимъ епископомъ.

Гарнакъ не дѣлаетъ никакого различія между тѣмъ изложеніемъ хода событій 324/5 г., какое Шварцъ даетъ на основаніи однихъ старыхъ источниковъ, и тѣмъ, какое онъ даетъ, привлекая къ дѣлу новые документы, и, выхватывая отдѣльные пункты изъ того и другого изложенія, старается показать, что они находятся во взаимномъ противорѣчій.

Все изложеніе хода событій начала арианскаго спора у Шварца Гарнакъ разбиваетъ на 8 пунктовъ: а—h; а) отношеніе императора къ Александру и Арію по письму его къ

¹⁾ Der Gegenzug des Kaisers bleib nicht aus.

нимъ; b) назначеніе собора въ Анкиру; c) выводъ отсюда приверженцевъ Александра; d) соборъ въ Антихіи; e) перенесеніе великаго собора въ Никею; f) положеніе на соборѣ Евсевія кесарійскаго; g) отношеніе императора на соборѣ къ Арію и h) къ александрійскому епископу: внесеніе западнаго термина. Пункты b—g заимствованы изъ второго изложенія хода событій у Швартца (по новымъ документамъ), пунктъ a)—изъ перваго изложенія, пунктъ h)—общій тому и другому изложенію. Гарнаккъ даетъ, такимъ образомъ, изложеніе взглядовъ Швартца хотя и вѣрное въ существенномъ, но не вполне точное.

Гарнаккъ находитъ противорѣчіе прежде всего между пунктами a и b. „Если императоръ хотѣлъ поддерживать Арія, то какъ онъ могъ созвать проектируемый соборъ въ Анкиру, каедру лютѣйшаго противника Арія?“ „что онъ имѣлъ въ виду, невозможно угадать“ возражаетъ Швартцъ. Но этого недостаточно, по мнѣнію Гарнакка, „такъ какъ тутъ лежитъ противорѣчіе“.

Но мнѣ кажется, что это противорѣчіе не особенно трудно рѣшить и съ точки зрѣнія Швартца. Швартцъ считаетъ Константина в. политикомъ настолько тонкимъ и искуснымъ, что онъ намѣренно никому не давалъ возможности угадать, куда именно клонятся его симпатіи и антипатіи. Поэтому, высказавшись въ письмѣ къ Александру и Арію довольно ясно въ пользу послѣдняго, Константинъ могъ даже намѣренно назначить соборъ въ Анкиру, чтобы и Арій не счелъ его окончательно своимъ сторонникомъ, и Александръ могъ бы не терять надежды, что и императоръ будетъ на его сторонѣ, и его дѣло восторжествуетъ на соборѣ ¹⁾.

Если же отрѣшиться отъ оригинальнаго взгляда Швартца на политику Константина, то назначеніе собора въ Анкиру ужъ рѣшительно не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ письмомъ Константина къ Александру и Арію. Письмо это Константинъ писалъ, вѣроятно, подъ влияніемъ одного изъ Евсевіевъ, и можетъ быть, даже и самъ Осій кордубскій въ то время не представлялъ ясно, въ чемъ состоялъ предметъ спора между Александромъ и Аріемъ и допускалъ возможность ошибки или увлеченія и со стороны самого александ-

¹⁾ Ср. Визант. Врем. т. XIX, Отд. II, стр. 142—143.

дрійскаго епископа. Но въ Александріи Осій убѣдился въ безусловной правотѣ св. Александра и въ опасности заблужденія Арія и, возвратившись въ Никомидію, повліялъ въ этомъ смыслѣ и на Константина. Какъ рѣшительный противникъ Арія Маркеллъ былъ, конечно, хорошо извѣстенъ Осію, и вѣроятно подъ его вліяніемъ императоръ назначилъ сначала мѣстомъ собора Анкиру¹⁾.

А если такъ, то и с не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій ни съ а, ни съ b: изъ факта назначенія собора въ Анкиру приверженцы св. Александра александрійскаго, т. е. огромное большинство восточныхъ епископовъ—правыхъ оригенистовъ сдѣлали тотъ совершенно правильный выводъ, что императоръ на ихъ сторонѣ.

d по Гарнакку стоитъ въ противорѣчій съ с. Въ созваніи собора въ Антиохіи наканунѣ назначеннаго великаго собора въ Анкирѣ онъ видитъ шагъ не только „смѣлый, чтобы не сказать безстыдный“, какъ выражался Швартцъ, но даже „совершенно безумный и въ высшей степени опасный“. „Императоръ только что прибылъ на востокъ, онъ даетъ милости церкви, онъ самъ созываетъ соборъ, и выборъ мѣста собора показываетъ, что онъ враждебно настроенъ противъ аріанъ, и вотъ не аріане въ ихъ крайней нуждѣ, in der letzten Not, а ихъ противники, которые могутъ предполагать благосклонность къ себѣ императора“, оказываются „настолько безстыдными, что прежде собираютъ импровизированный соборъ, чтобы отнять у императора вѣтеръ отъ парусовъ и самимъ дѣлать церковную политику. Пусть понимаетъ это, кто можетъ! И къ этой невѣроятности еще та неясность, что антиохійскій соборъ созванъ былъ даже и не для улаженія великаго спора, а по дисциплинарнымъ вопросамъ, но съ самаго начала мѣняетъ“ свою „программу“.

Признаюсь, я въ поступкѣ восточныхъ епископовъ, собравшихся уже по назначеніи великаго анкирскаго собора на помѣстный, хотя и довольно многочисленный, соборъ въ Антиохію, рѣшительно не способенъ видѣть ничего не только опаснаго, безумнаго или безстыднаго, но и просто только смѣлаго. И думаю, и самимъ засѣдавшимъ въ Антиохіи епи-

¹⁾ Ср. къ вопросу объ антиохійскомъ соборѣ I, стрр. 114—115 (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1915 г. январь, стрр. 105—106).

скопамъ и на мысль не приходило, что, собравшись на этотъ соборъ, они идутъ въ разрѣзъ съ желаніемъ императора Константина в.—Ликийнй запретилъ восточнымъ епископамъ собираться на соборы. Но въ этомъ запрещеніи выразилась его ненависть къ христіанамъ: онъ былъ ихъ гонителемъ. Съ паденіемъ Ликинія и съ воцареніемъ перваго христіанскаго императора Константина в. само по себѣ потеряло всякую силу и это запрещеніе, и епископы получили полную возможность собираться на соборы, когда и гдѣ имъ угодно. И разумѣется въ первое время послѣ паденія Ликинія они должны были собираться на соборы чаще, чѣмъ до гоненія Ликинія, и чѣмъ впослѣдствіи, такъ какъ за время гоненія вопросовъ церковныхъ накопилось не мало; и сами отцы антиохійскаго собора на запрещеніе Ликинія собираться на соборы и указываютъ прямо, какъ на одинъ изъ поводовъ къ созванію этого собора.

И понятно само собою, что соборъ, состоявшійся вскорѣ по прекращеніи гоненія Ликинія, необходимо долженъ былъ заняться вопросами церковной дисциплины. Но съ другой стороны было бы странно, если бы соборъ епископовъ востока, созванный хотя бы и по дисциплинарнымъ вопросамъ, не отозвался такъ или иначе на волновавшій тогда всю церковь вопросъ объ ученіи Арія. И это послѣ того, какъ сторонники Арія собирались на соборы и въ Виѳиніи и въ Палестинѣ, и послѣднему собору удалось даже добиться возвращенія аریانъ въ Александрію, безъ согласія на это Александра александрійскаго!

Но, по моему мнѣнію, даже и тотъ безпорядокъ, *ἀταξία*, и то презрѣніе церковнаго закона и канонѳвъ людьми „мірскими“, или же—вѣроятно правильнѣе—нѣкоторыми новаторами, *ὡπ' ἐνίων νεωτεριστῶν*¹⁾, о которыхъ говоритъ соборъ въ началѣ посланія, не стоятъ внѣ всякой связи съ арианскимъ споромъ. Предшественникомъ св. Евстагія антиохійскаго, имя котораго занимаетъ 2-е мѣсто въ наличномъ текстѣ (переводѣ) посланія, а въ его оригиналѣ можетъ быть занимало даже 1-е мѣсто, и который былъ, вѣроятно, инициаторомъ и истиннымъ вождемъ этого собора, на антиохійской каедрѣ былъ Павлинъ, бывшій епископъ тирскій, другъ

¹⁾ Schwartz, VII, 311 н. Ср. Къ вопр. объ ант. соб. I, 25 (Труды Кіев. Дух. Акад. 1914, июль-августъ, стр. 504), прим. 1.

обоихъ Евсевіевъ и одинъ изъ виднѣйшихъ покровителей Арія ¹⁾. По всей вѣроятности онъ въ свое недолгое правленіе въ Антиохіи принялъ извѣстныя мѣры въ пользу Арія и его друзей, принялъ ихъ, вѣроятно, въ церковное общеніе, можетъ быть допустилъ къ участию въ богослуженіи въ Антиохіи, а можетъ быть даже лишилъ должностей нѣкоторыхъ изъ тѣхъ клириковъ, которые были рѣшительными противниками аріанскаго ученія ²⁾. Въ виду этого антиохійскій соборъ 324 года, приступая прямо къ вопросу объ Арії и его послѣдователяхъ, вовсе не мѣнялъ своей программы, а рѣшалъ прежде всего тотъ именно вопросъ, какой и нужно было рѣшить тогда въ Антиохіи, чтобы уничтожить слѣды правленія Павлина ³⁾.

Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что соборъ въ Антиохіи состоялся наканунѣ великаго собора въ Анкирѣ. Одной благосклонности императора, выразившейся въ назначеніи собора именно въ Анкиру, было далеко недостаточно, чтобы поселить въ епископахъ, сторонникахъ св. Александра александрійскаго, увѣренность, что истина восторжествуетъ на соборѣ, и ученіе Арія будетъ отвергнуто. Св.

¹⁾ О Павлинѣ см. мою статью: „Павлинъ и Зиновъ, епископы тирскіе“ въ Визавт. Временникъ т. XX (1913 г.), Отд. I, стр. 1—56, 117—188.

²⁾ По сообщенію Аеанасія в., *hist arian. ad monachos* n. 4. св. Евстаѳій былъ изложенъ евсевіанамъ за то, что ненавидѣлъ аріанскую ересь и не принималъ мудрствующихъ по аріански. А когда онъ былъ изложенъ, евсевіане не только приняли въ церковное общеніе тѣхъ лицъ, которыхъ онъ не принималъ за изъ нечестіе въ клиръ, но и многихъ изъ нихъ поставили епископами. Изъ нихъ Аеанасій в. называетъ Леонтія скопца, епископа антиохійскаго, и предшественника его Стефана, Георгія лаодикійскаго, Феодосія трипольскаго [*καὶ ὁ κηρόμενος ἐν Τριπόλει Θεόδωσος*; значить къ тому времени, когда Аеанасій в.—еще при жизни Леоптія антиохійскаго, ὁ δὲν ἐν Ἀντιοχείᾳ,—писалъ свою „исторію аріанъ къ монахамъ“, этого Феодосія, поставленнаго евсевіанамъ на мѣсто Елланика, уже не было въ живыхъ], Евдоксія гермакиійскаго и Евстаѳія севастійскаго. Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ были включены въ клиръ еще Павлиномъ, но исключены изъ него „за нечестіе“ св. Евстаѳіемъ, и это подало поводъ къ обвиненіямъ противъ него. А съ другой стороны возможно, что и Павлинъ поступалъ аналогично съ Евстаѳіемъ: не допускалъ въ клиръ лицъ ариаріанскаго образа мыслей, а можетъ быть прямо отлучалъ ихъ, какъ „савелліанъ“, отъ церковнаго общенія.

³⁾ Ср. Хрвст. Чт. 1911, севт., стр. 1023 (= Ант. Соб. 324 г. стр. 43) и Визавт. Врем. т. XIX (1912), Отд. II, стр. 112 (= Къ вопр. объ ант соб. III, 58). и т. XX Отд. I, стр. 153—156 (= Павлинъ и Зиновъ стр. 93—96).

Евстаѣю и его единомышленникамъ было, конечно, хорошо извѣстно, что Аріій имѣетъ очень вліятельныхъ покровителей (оба Евсевія, Феогній, Минофантъ), и они могли повести на соборѣ дѣло такимъ образомъ, что большинство епископовъ выскажется въ пользу Арія, или же дѣло закончится принятіемъ какого-либо неопредѣленнаго изложенія вѣры, подъ которымъ подпишутся и Аріій съ своими сподвижниками, и ихъ покровители.

Сдѣлать это было бы тѣмъ легче, что большинство епископовъ были, конечно, богословами довольно плохими, и легко могло случиться, что, когда на великомъ соборѣ дѣло дойдетъ до голосованія по поводу вѣроизложенія, представленнаго однимъ изъ друзей Арія и составленнаго въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, то соборъ, т. е. большинство членовъ его, найдетъ это вѣроизложеніе вполне православнымъ. И, разумѣется, оба Евсевія на соборахъ вѣиискскомъ и палестинскомъ сдѣлали все, что могли, для Арія, постарались привлечь на его сторону возможно большее число епископовъ. Къ этой сплоченной группѣ лукіанистовъ и лѣвыхъ оригенистовъ на соборѣ очень легко могли примкнуть и многіе изъ числа нерѣшительныхъ или мало образованныхъ епископовъ Сиріи и другихъ тяготѣвшихъ къ Антіохіи провинцій, тѣмъ болѣе, что и самую кафедру столицы востока недавно занималъ лѣвый оригенистъ Павлинъ. На верійской кафедрѣ Евстаѣій не имѣлъ возможности создать достаточнаго противовѣса вліянію Павлина. Но было бы непонятно, если бы онъ, занявъ—вѣроятно осенью 324 года—кафедру великой Антіохіи, наканунѣ великаго собора въ Анкирѣ, долженствовавшего рѣшить поднятый въ Александріи догматическій вопросъ, сталъ бы спокойно выжидать, какой оборотъ приметъ вопросъ объ Аріи на этомъ соборѣ, и не принялъ бы съ своей стороны никакихъ мѣръ къ тому, чтобы по возможности уменьшить количество сторонниковъ Арія и увеличить число его противниковъ. И исходъ созданнаго имъ въ Антіохіи собора доказываетъ, что его старанія въ этомъ отношеніи оказались далеко не безуспѣшными. По меньшей мѣрѣ двое (Григорій виритскій и Аетій лиддскій), или и пятеро (еще, можетъ быть, Македоній мопсуестійскій, Тарконди-мантъ эгейскій и Алфій апамійскій) изъ числа сторонниковъ Арія перешли на этомъ соборѣ въ число его противниковъ.

Нельзя было обойтись на соборѣ и безъ изложенія вѣры. Явиться на великій соборъ въ Анкиру безъ такого изложенія для восточныхъ сторонниковъ св. Александра александрийскаго, предводимыхъ св. Евстаѣемъ, значило бы тоже, что для вождей современныхъ политическихъ партій выступить въ парламентъ, не имѣя опредѣленной политической программы. Отцы антиохійскаго собора должны были выяснитъ сами себѣ, что именно они должны защищать на великомъ соборѣ, и что для нихъ неприемлемо въ ученіи Арія.

Замѣчанія Гарнакка по поводу е (S. 404) въ существенномъ можно признать справедливыми. По Швартцу „императоръ, какъ дипломатъ будто, бы разсматриваетъ смѣлый соборъ антиохійскій, какъ воюющую силу (wie eine kriegführende Macht,—Harnack, 404): онъ предпринимаетъ противный ходъ (ein *Gegenzug*). Онъ переноситъ задуманный соборъ въ Nikeю и идетъ такимъ образомъ на встрѣчу Евсевію никомидійскому, виднѣйшему покровителю Арія. Очевидно онъ имѣетъ въ виду доставить побѣду Арію. вмѣстѣ съ этимъ ему приходитъ въ голову мысль о вселенскомъ соборѣ, который одинъ только могъ дать надлежащій авторитетъ противъ антиохійскаго“. „Возможно“—говоритъ Гарнаккъ—„что Константинъ такъ поступалъ, но, насколько мы его знаемъ, невѣроятно. И какое странное—положеніе! (Und wie eine selbtsame, kontorte Lage!). Великій соборъ, самовольно собравшійся въ то время, какъ императоръ уже созвалъ соборъ, смѣло предпринимаетъ то самое, что, какъ извѣстно было собору, и императоръ долженъ былъ сдѣлать на созываемомъ соборѣ¹⁾. Императору это могло быть пріятно—тогда соборъ въ Анкирѣ въ существѣ дѣла оказывался уже излишнимъ — или же онъ могъ дать почувствовать свой гнѣвъ. вмѣсто того онъ перемѣняетъ свое мнѣніе, беретъ назадъ назначеніе собора въ Анкиру, переходитъ, назначая его въ Nikeю, на сторону Евсевія никомидійскаго и въ своей слабости ищетъ себѣ теперь помощи съ запада,—возможно все это, но невѣроятно“.

На все это Швартцъ—съ своей точки зрѣнія—конечно не затруднился бы дать отвѣтъ. По его взгляду, Константинъ в., какъ искусный политикъ, не хотѣлъ дать полнаго торжества ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Поэтому, какъ только онъ узнаетъ объ антиохійскомъ соборѣ, знаменовавшемъ тор-

жество св. Александра на востокѣ, онъ переноситъ соборъ въ Никею. Но и Евсевию съ Θεогніемъ онъ не хочетъ дать полнаго торжества и призываетъ поэтому на соборъ западныхъ епископовъ.—Вопросъ только въ томъ, былъ ли Константинъ в. дѣйствительно такимъ искуснымъ, коварнымъ политикомъ въ религиозныхъ вопросахъ?

По моему мнѣнію, ни старыя, ни новыя документы изъ исторіи начала аріанскаго спора не оправдываютъ этого оригинальнаго взгляда Шварта на политику Константина. и ходъ событій послѣ антїохійскаго собора 324 года представляется мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Шварцу. Приглашая на великій соборъ западныхъ епископовъ, Константинъ в. шелъ не въ разрѣзъ, а на встрѣчу желаніямъ отцовъ антїохійскаго собора и самого Александра александрійскаго. Вѣдь сами же отцы антїохійскаго собора, по примѣру Александра александрійскаго, обратились съ особыми посланіями и къ Сильвестру, епископу римскому, и къ Александру ессалоникскому. Какъ отозвались на эти посланія эти епископы апостольскихъ каедръ запада, мы не имѣемъ свѣдѣній. Но на никейскомъ соборѣ мы встрѣчаемъ въ числѣ сторонниковъ св. Александра александрійскаго и представителей римскаго епископа пресвитеровъ Витона и Винкентія, и самого Александра ессалоникскаго. И нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что въ отвѣтъ на посланія св. Александра и антїохійскаго собора сами эти выдающіеся епископы запада выразили какимъ-нибудь образомъ желаніе принять участіе въ соборно-вселенскомъ рѣшеніи спорнаго догматическаго вопроса. Мысль пригласить на соборъ западныхъ епископовъ могъ подать Константину и Осій кордубскій, можетъ быть, самъ присутствовавшій на антїохійскомъ соборѣ. Но западныхъ епископовъ неудобно было приглашать въ далекую отъ границы востока и запада Анкиру, и потому съ превращеніемъ восточнаго великаго собора во вселенскій перемѣна мѣста его стала необходимостію. О выборѣ Никеи, какъ мѣста вселенскаго собора, ср. Виз. Вр. т. XX, Отд. I, стр. 167 (=Павлинъ и Зиновъ, стр. 107), прим. 157, и Труды Имп. Кіевск. Дух. Акад. 1915 г., январь, стр. 115—117 (—Къ вопр. объ ант. соб. I. 124—126). Къ сказанному тамъ можно прибавить:

1) Насколько сильно распространено было въ западной

приморской части Малой Азіи арианство, можно судить по тому, что подъ томосомъ св. Александра александрійскаго подписались правда отдѣльные епископы изъ Асіи, Каріи, Лидіи, но ни одного епископа изъ Виѳиніи, гдѣ находилась тогда резиденція императора. Каедрю главнаго города—Ефеса и въ Асіи занималъ лукіанистъ Минофантъ. Лукіанисты занимали всѣ каедры, прославленные потомъ вселенскими соборами, исключая Византіи-Константинополя. Но Византія была тогда небольшимъ городомъ, и объ ней едва ли могла идти рѣчь при избраніи мѣста собора. Мы не знаемъ, какіе именно епископы Асіи, Каріи и Лидіи подписали *тѳоюз* Александра, но во всякомъ случаѣ это были епископы каедръ или незначительныхъ, или удаленныхъ отъ Никомидіи. Но при выборѣ мѣста собора необходимо было считаться съ желаніемъ Константина, рѣшившаго присутствовать на соборѣ лично. Съ этой точки зрѣнія, конечно, самымъ удобнымъ мѣстомъ собора была бы самая Никомидія. Въ виду этого можно даже поставить вопросъ: Никея не была ли избрана даже прямо вопреки желанію Евсевія никомидійскаго? Его другъ Θεогній никейскій могъ представляться менѣе опаснымъ противникомъ Осію кордубскому и другимъ вліятельнымъ сторонникамъ св. Александра александрійскаго, чѣмъ такой „великій“ интриганъ, какъ Евсевій, и вынужденные искать мѣсто для собора въ Виѳиніи, они намѣренно обошли Никомидію.

2) При выборѣ мѣста соборовъ епископы нерѣдко не считались съ догматическимъ направленіемъ мѣстныхъ епископовъ. Иногда соборы, судившіе епископовъ за ихъ догматическія заблужденія, собирались прямо въ тѣхъ городахъ, гдѣ эти еретики были епископами. Соборы, судившіе Павла самосатскаго, епископа антиохійскаго, собирались въ самой Антиохіи. Въ Антиохіи состоялись и соборъ около 330 года, низложившій св. Евстаѳія, и соборъ 344 года, низложившій Стефана антиохійскаго. Въ 346 году соборъ, осудившій Евфрату колонійскаго, состоялся въ самой Colonia Agrippina (Кельнъ). И Фотинъ, епископъ сирмійскій, низложенъ былъ сирмійскимъ соборомъ 351 года. Было бы поэтому нисколько неудивительно, еслибы и въ 324—5 г. епископы-антиариане чувствуя за собою силу, соборъ для суда надъ Аріемъ и его покровителями назначили бы даже въ самой Никомидіи.

Словомъ, въ выборѣ Никеи, какъ мѣста собора, я не вижу доказательства, что Константинъ в. былъ очень недоволенъ поступкомъ восточныхъ епископовъ, собравшихся на соборъ въ Антиохіи, и постарался парализовать значеніе этого собора.

Нельзя, конечно, оспаривать, что, когда собрался никейскій соборъ, то не всѣ рѣшенія антиохійскаго собора были одобрены Константиномъ: Евсевій кесарійскій безспорно допущенъ былъ на соборъ, какъ полноправный членъ, равно какъ, вѣроятно, и Феодотъ лаодикійскій и Наркиссъ пероніадскій. Но позволительно спросить: объ отлученіи, наложенномъ на этихъ трехъ епископовъ антиохійскимъ соборомъ, императоръ не услышалъ ли впервые только на самомъ никейскомъ соборѣ? Конечно, ему могъ сообщить объ этомъ и раньше Евсевій никомидійскій (если не самъ Осій). Но и въ такомъ случаѣ Константинъ в. не могъ увидѣть въ рѣшеніяхъ антиохійскаго собора шага, направленнаго къ тому, чтобы свести къ нулю задуманный имъ анкирскій соборъ. Въдѣ сами отцы этого антиохійскаго собора окончательное рѣшеніе вопроса о трехъ отлученныхъ епископахъ представили именно великому собору въ Анкирѣ и потому, вѣроятно, и въ Никее не особенно протестовали противъ того, чтобы отлученные ими епископы заняли мѣста въ качествѣ полноправныхъ членовъ собора. — Отлученіе, наложенное антиохійскимъ соборомъ, не прошло однако совсѣмъ безслѣдно по крайней мѣрѣ для Евсевія кесарійскаго. Его заставили оправдываться на соборѣ, и приводимое Евсевіемъ въ письмѣ къ кесарійцамъ вѣроизложеніе прочитано было имъ на соборѣ не въ качествѣ проекта символа, а въ свое оправданіе, и только вмѣшательство императора придало дѣлу неожиданный оборотъ ¹⁾.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что и въ данномъ случаѣ новые документы не стоятъ ни въ какомъ противорѣчьи со старыми, и тѣ странности, какія Гарнаккъ отчасти вѣрно указываетъ въ изложеніи Швартца, нужно отнести на счетъ самого Швартца, а не изданныхъ имъ документовъ.

Пункту f Гарнаккъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе, видитъ въ немъ самое главное, die Hauptsache. „Самый

¹⁾ Ср. Труды Киев. Дух. Ак. 1914 г. Нояб. 351—355 (Къ вопросу объ антиох. соб. I, 75—79) и далѣе подъ f.

важный документъ — пишетъ онъ — „касающійся хода никейскаго собора есть“ известное „письмо Евсевія кесарійскаго“ къ своей паствѣ. „Согласуется ли это письмо съ тѣмъ, что можно почерпнуть изъ мнимо подлиннаго посланія антиохійскаго собора? По нему Евсевій прибылъ на [никейскій] соборъ, какъ отлученный, и слѣдовательно былъ имъ реабилитированъ. Но письмо [Евсевія] совершенно молчитъ объ отлученіи и реабилитациі. Швартцъ видитъ здѣсь „тонкую иронию“: Евсевій разсматриваетъ непризнанное его паствою рѣшеніе [антиохійскаго собора], какъ несуществующее. „Нельзя сказать“ — говоритъ Гарнаккъ — „чтобы это объясненіе было удовлетворительно. Почему Евсевій, который вообще не жалѣетъ словъ, не возвѣщаетъ ясно о триумфѣ своемъ и своего императора“, о томъ, „что несправедливое и смѣлое осужденіе [его] въ Антиохіи было отмѣнено рѣшеніемъ императорскаго собора. Въмѣсто того онъ молчитъ. Это не только удивительно; это совершенно необъяснимо“.

Мнѣ кажется, что Евсевій не имѣлъ ни особаго повода, ни особаго желанія вести рѣчь объ этомъ отлученіи, наложенномъ на него антиохійскимъ соборомъ, въ письмѣ къ своей паствѣ. Кесарійцамъ, конечно, и безъ того хорошо известенъ былъ фактъ отлученія, наложеннаго на Евсевія антиохійскимъ соборомъ, а что на соборѣ въ Никее онъ присутствовалъ въ качествѣ полноправнаго члена, они могли понять изъ того, что онъ подписалъ символъ собора съ терминами *ex tunc obitas* и *διοοβισιον* и анаематизмомъ на аріанскія положенія. Но самый тонъ письма Евсевія къ кесарійцамъ доказываетъ, что въ 324 году кесарійская паства была вполнѣ на его сторонѣ, но не одобряла подписи имъ никейскаго символа. Поэтому возвѣщать съ особымъ триумфомъ о томъ, что никейскій соборъ, по желанію императора, игнорировалъ отлученіе, наложенное на него въ Антиохіи, для Евсевія было даже не совсѣмъ удобно. Подпись Евсевія подъ символомъ съ подозрительными для него, какъ лѣваго оригениста, терминами была и для самого Евсевія и для его паствы фактомъ въ сущности болѣе печальнымъ, чѣмъ отлученіе наложенное на него въ 324 году, когда онъ стойко поддерживалъ опальнаго александрійскаго пресвитера-лукианиста. Не торжествовать приходилось ему теперь, а оправдываться предъ своей паствою.

О положеніи Евсевія кесарійскаго на никейскомъ соборѣ у меня сказано достаточно много въ разборѣ 1-й статьи Гарнакка ¹⁾, и я съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ у Швартца, въ его отвѣтъ Гарнакку страницы, 360—361. Швартцъ здѣсь, по моему мнѣнію, совершенно справедливо замѣчаетъ, что временное отлученіе, наложенное на Евсевія антїохійскимъ соборомъ „объясняетъ тотъ иначе загадочный фактъ, что именно Евсевій кесарійскій, который не былъ вождемъ ни той, ни другой партіи“ [ни православной, ни аріанской; въ данномъ случаѣ Швартцъ по моему, не совсѣмъ правъ: Евсевій несомнѣнно былъ однимъ изъ вождей аріанской партіи, и это обстоятельство и было причиною его отлученія на антїохійскомъ соборѣ] „долженъ былъ представить на соборъ кесарійскій крещальный символъ съ своимъ собственнымъ заключеніемъ: это сдѣлалъ онъ потому, что долженъ былъ доказывать свое православіе. Новооткрытый документъ, слѣдовательно, никоимъ образомъ не противорѣчитъ тому—очень немногому—что извѣстно было раньше о ходѣ никейскаго собора, но разъясняетъ важнѣйшее и документальное сообщеніе о немъ такимъ удивительнымъ и живымъ образомъ, какъ это никогда невозможно было бы сдѣлать при подлогѣ“.

Но Гарнаккъ не хочетъ согласиться съ этимъ. По его мнѣнію, изъ того факта, что Евсевій выступилъ на соборѣ съ изложеніемъ вѣры, не слѣдуетъ, что онъ явился на соборъ, какъ отлученный. „Конечно, его личное заявленіе въ концѣ символа о томъ, что онъ всегда такъ вѣровалъ, доказываетъ, что на соборѣ онъ долженъ былъ защищаться противъ рѣзкихъ нападокъ или подозрѣній; но это должны были дѣлать тамъ первые борцы (Protagonisten) всѣхъ партій. О друзьяхъ Арія мы знаемъ, что и они также составили формулу вѣры и пришли съ нею—конечно безъ успѣха—на помощь своему учителю (Meister). Наоборотъ Маркеллъ анкирскій защищалъ свою точку зрѣнія противъ Евсевія и нападалъ на своихъ враговъ. Много заявленій подобныхъ тѣмъ, какія дѣлаетъ Евсевій, было высказано на соборѣ; случайно мы знаемъ заявленіе Евсевія кесарійскаго. Евсевіи не на соборѣ стоялъ, какъ осужденный, но онъ стоялъ какъ обвиненный“.

¹⁾ Стр. 75—79 (Труды Кіев. Дух. Акад. 1914, нояб. 351—355).

предъ своей паствой и именно съ полнымъ правомъ (mit Recht).—Что же касается хода собора, то предложеніе исповѣданія вѣры Евсевіемъ не было съ его стороны актомъ самооправданія (Reinigungsakt), а искусной попыткой объединить соборъ на этой формулѣ. И попытка эта удалась въ существенномъ.—Символь, предложенный Евсевіемъ, дѣйствительно, какъ показала Хортъ, лежитъ въ основѣ никейскаго символа. Слѣдовательно, если мы должны вѣрить антиохійскому посланію, то Евсевій пришелъ въ Никею, какъ отлученный, и его вынужденное очистительное исповѣданіе (Reinigungsbekenntniss) положено было соборомъ въ основу его рѣшающаго вѣроопредѣленія! „Возможно такое mutatio rerum, но оно невѣроятно! (Möglich ist eine solche mutatio rerum, wahrscheinlich ist es nicht!). Равно какъ возможно, что Евсевій забылъ возвѣстить объ этомъ исключительномъ триумфѣ своей паствѣ, но невѣроятно.“

То, конечно, вѣрно, что до 1905 года никому и на мысль не приходило, что Евсевій кесарійскій представлялъ на никейскомъ соборѣ свое вѣроизложеніе, какъ отлученный. Нельзя, однако, оспаривать, что и предисловіе и заключеніе евсевіева символа не вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ обычнымъ предположеніемъ, что этотъ символъ былъ только проектомъ соборнаго вѣроопредѣленія. Только антиохійское посланіе даетъ этимъ предисловію и заключенію полный смыслъ и значеніе.

Не вижу никакого повода не соглашаться съ Хортомъ-Гарнаккомъ и въ томъ, что именно кесарійскій¹⁾ символъ, предложенный на соборѣ Евсевіемъ лежитъ въ основѣ ни-

1) Въ DG II, 4 231, 1 самъ Гарнакъ не оспариваетъ той возможности, что въ основѣ никейскаго символа лежитъ не кесарійскій, а какой нибудь другой мѣстный символъ (и слѣдовательно Евсевій лгалъ предъ своей паствой): при сходствѣ восточныхъ символовъ между собою такую гипотезу нельзя опровергнуть. Но я согласенъ съ Гарнаккомъ, что такая гипотеза тѣмъ не менѣе очень невѣроятно: нѣтъ повода подозревать Евсевія во лжи, и помимо того такая гипотеза, разъ не имѣется въ виду какой либо определеннаго символа и не дана его детальная свѣрка съ никейскимъ символомъ, способная убѣдить, что и этотъ символъ могъ быть положенъ въ основу никейскаго съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, какъ символъ Евсевія кесарійскаго, есть „апелляція къ неизвѣстному“.

кейскаго символа. Объ этомъ говорить самъ Евсевій, и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній не довѣрять ему въ этомъ, и редакція никейскаго символа такова, что опъ прямо выдаетъ себя, какъ передѣлку кесарійскаго символа.

Но на вопросъ: какъ же случилось такое *mutatio regum*, что исповѣданіе вѣры, представленное Евсевіемъ кесарійскимъ для своего оправданія, положено было въ основу соборнаго вѣроопредѣленія, отвѣтъ даетъ самъ же Евсевій. *Таύτης ὑφ' ἡμῶν*—говоритъ онъ—*ἐκτεθείσης πίστεως, οὐδείς παρ' οὐν ἀντιλογίας τόπος· ἀλλ' αὐτός τε πρῶτος ὁ θεοφιλέστατος ἡμῶν βασιλεὺς ὁρθότατα περιέχειν αὐτὴν ἐμαρτήρησεν οὕτω τε ἑαυτὸν φρονεῖν συνομολογῆται, καὶ ταύτη τοὺς πάντας συγκατατίθεσθαι, ἐπογράφειν τε τοῖς δόγμασι, καὶ συμφρονεῖν τοῦτοις αὐτοῖς παρακελεύετο· ἐνὸς μότου προεγγραφέντος ὀνόματος τοῦ ὁμοουσίου.* Евсевій, слѣдовательно, говорить такъ ясно, какъ только это возможно, что въ качествѣ основы соборнаго вѣроопредѣленія его символъ предложенъ былъ самимъ императоромъ Константиномъ в. Константинъ в., вѣроятно, уже въ это время обратилъ свое вниманіе на ученаго епископа кесарійскаго и на соборѣ оказывалъ ему явное покровительство. Конечно, по его настоянію Евсевій, отлученный антюхійскимъ соборомъ, принятъ былъ никейскимъ соборомъ въ качествѣ члена; и когда его попросили все-таки прочесть на соборѣ свое вѣроисповѣданіе, и по прочтеніи Евсевіемъ его символа никто пока ничего не возразилъ противъ него (символъ былъ вѣдь не аріанскій, хотя и безцвѣтный), то Константинъ и предложилъ собору подписать это вѣроисповѣданіе, прибавивъ къ нему слово *ὁμοούσιον*, какъ того желали Осій кордубскій и другіе западные епископы.

Однако отцы собора далеко не ограничились вставкою въ символъ одного этого слова (подозрительнаго и для Евсевія и для всѣхъ восточныхъ), но подвергли его такой существенной передѣлкѣ, что получился на дѣлѣ совершенно новый символъ, и самъ Евсевій могъ подписать его только подчиняясь необходимости (иначе ему грозила ссылка). И объ этой передѣлкѣ своего символа ясно говорить самъ Евсевій: *Οἱ δὲ* [они же, т.-е. партія, противоположная Евсевію, сторонники св. Александра александрійскаго] *προφάσει τῆς τοῦ ὁμοουσίου προσθήκης, τὴν δὲ τὴν γραφὴν πέλοιράσιν.*—Слѣдовательно, Евсевій не только не одержалъ никакого

исключительнаго триумфа на никейскомъ соборѣ, но въ существѣ дѣла вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію своимъ догматическимъ противникамъ. — Цѣною такой сдѣлки съ совѣстію, какую Евсевій допустилъ лѣтомъ 325 года, онъ и съ антiохійскаго собора въ 324 году вернулся бы не какъ отлученный, а какъ одинъ изъ православныхъ членовъ этого собора. Разница только въ томъ, что 324 году Евсевій, подписавъ антiохійское вѣроизложенеіе, только перешелъ бы изъ лагеря лѣвыхъ оригенистовъ въ лагерь оригенистовъ правыхъ (призналъ бы только вѣчное рожденіе Сына), а въ 325 году ему пришлось подписать западные богословскіе термины, отвергнутые самимъ Оригеномъ и подозрительные и для правыхъ оригенистовъ. Значить переходъ на сторону противниковъ Арія для Евсевія въ 324 году былъ бы легче, чѣмъ въ 325 году. Но видимо въ 324 г. Евсевій еще надѣялся, что на великомъ соборѣ въ Анкирѣ покровители Арія могутъ взять верхъ надъ его противниками; на никейскомъ соборѣ онъ увидѣлъ, что дѣло Арія совершенно безнадежно, и остается думать о самомъ себѣ.

Можетъ быть, излишне привести здѣсь и одинъ *argumentum ad hominem*. Та странность, что символъ вѣры, прочитанный на никейскомъ соборѣ Евсевіемъ кесарійскимъ для своего оправданія, положенъ былъ въ основу соборнаго вѣроизложенія, не болѣе той, какую самъ Гарнаккъ предполагаетъ о константинопольскомъ символѣ 381 года. Этотъ такъ-называемый теперь никео-цареградскій символъ, по гипотезѣ Гарнакка, прочитанъ былъ на 2-мъ вселенскомъ соборѣ св. Кирилломъ іерусалимскимъ для доказательства своего православія и внесенъ былъ въ акты собора, а впоследствии принятъ былъ за символъ самого собора и вытѣснилъ въ церковномъ употребленіи самый никейскій символъ. Если эта, предполагаемая Гарнаккомъ, подмѣна случилась и не на самомъ константинопольскомъ соборѣ 381 года, то за то здѣсь символъ св. Кирилла приписанъ былъ, будто бы, этому собору цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій или дополненій; никейскій же соборъ взялъ изъ символа Евсевія только такія выраженія, которыя съ точки зрѣнія спорнаго догматическаго вопроса были безразличны, и редактировалъ его такъ, что вмѣсто символа нейтральнаго получился символъ строго антiаріанскій.

Но если эта ссылка на предполагаемую Гарнаккомъ исторію съ символомъ Кирилла іерусалимскаго можетъ имѣть значеніе только аргумента ad hominem, въ полемикѣ съ самимъ Гарнаккомъ, если въ дѣйствительности св. Кириллъ не читалъ въ 381 году въ Константинополѣ никакого символа въ свое оправданіе (въ это время его едва ли въ чемъ и обвиняли), и никео-цареградскій символъ составленъ или редактированъ самимъ 2-мъ вселенскимъ соборомъ, то мы имѣемъ въ исторіи церкви IV вѣка и еще одинъ случай, аналогичный съ тѣмъ, какой, какъ теперь оказывается, вышелъ въ 325 году съ символомъ, прочитаннымъ на никейскомъ соборѣ Евсевіемъ кесарійскимъ.

3-я изъ 4-хъ антїохійскихъ формулъ 341 года прочитана была на антїохійскомъ соборѣ *ἐν τοῖς ἐγκαινίοις* Теофроніемъ епископомъ тіанскимъ, но подписана всѣми отцами собора ¹⁾).

Спрашивается: почему понадобилось антїохійскому собору 341 году это 3-е вѣроизложеніе послѣ раньше составленныхъ двухъ (въ томъ числѣ авторитетнаго для восточнаго „символа Лукіана“), и почему съ нимъ выступилъ Теофроній, епископомъ тіанскій?

Если припомнимъ, что присутствовавшій на антїохійскомъ соборѣ 324 года и на никейскомъ вселенскомъ соборѣ 325 года Еввсихій, епископъ тіанскій, упоминается у Аѳанасія в., ad episcopos Aegypti et Libyae, n. 8 въ числѣ выдающихся поборниковъ православія, „мужей апостольскихъ“, то представляется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы и его преемникъ Теофроній по доброй волѣ очутился въ рядахъ евсевіанъ и былъ рѣшительнымъ антиникейцемъ. А предисловіе и заключеніе символа Теофронія прямо говорятъ за то, что этотъ символъ прочитанъ былъ имъ на соборѣ въ свое оправданіе, что его обвиняли въ единомысліи съ Маркедломъ анкирскимъ, Савелліемъ и Павломъ самосатскимъ. *Οἶδεν ὁ Θεός,*— такъ начинается свое вѣроизложеніе Теофроній,— *ὄν μάρτυρα καλῶ ἐπὶ τὴν ἐμὴν ψυχὴν, ὅτι οὕτως πιστεύω,* а въ концѣ его говоритъ: *Κὶ δὲ τις παρὰ ταύτην τὴν πίστιν διδάσκει, ἢ ἔχει ἐν ἑαυτοῦ, ἀνάθεμα ἔστω καὶ Μορδέλλου τοῦ Ἀρχύρα, ἢ Σαβελλίου, ἢ*

¹⁾ Athan. de synodis, n. 24: *Καὶ Θεοφρόνιος δὲ τις ἐπίσκοπος Τυάνων συνθεὶς καὶ αὐτὸς ἐξέθετο τὴν πίστιν ταύτην ἐμπροσθεν τῶν πάντων, ἢ καὶ πάντες ἐπέγραψαν. ἀποδείξιμενοι τὴν τοῦ ἀνθρώπου πίστιν.*

Παύλου τοῦ Σαμοσατίως, ἀγάθημα ἔστω καὶ αὐτὸς καὶ πάντες οἱ κοινωνοῦντες αὐτῷ. Въ самомъ символѣ Теофрація противъ Маркелла и Савеллія направлены выраженія (о Сынѣ Божіемъ): τὸν γεννηθέντα ἐκ τοῦ Πατρὸς πρὸ τῶν αἰώνων, Θεὸν τέλειον ἐκ Θεοῦ τέλειου, καὶ ὄντα πρὸς τὸν Θεὸν ἐν ὑποστάσει и — специально противъ Маркелла — καὶ πάλιν ἐρχόμενον μετὰ δόξης καὶ δυνάμεως κρῖται ζῶντας καὶ νεκρούς, καὶ μένοντα εἰς τοὺς αἰῶνας.

Гарнаккъ говоритъ, какъ о фактѣ совершенно безспорномъ, что и „друзья Арія“ [а развѣ Евсевій кесарійскій былъ его недругомъ?] представили на никейскомъ соборѣ свое вѣроизложеніе, которое однако не имѣло успѣха. Справка съ DGH⁴ 229, 3 [= DGH³ 224, 1 = II² 226] показываетъ, что Гарнаккъ имѣетъ въ виду слѣдующіе слова Евстаѳія антиохійскаго у Theodoret, h. e. I, 8, 1—2: *ὡς δὲ ἐζητεῖτο τῆς πίστεως ὁ τρόπος, ἐναργῆς μὲν ἔλεγχος τὸ γράμμα τῆς Εὐσεβίου προβάλλετο βλασφημίας· ἐπὶ πάντων δὲ ἀναγνώσθην, αὐτίκα συμφρονᾶν μὲν ἀστάθμητον τῆς ἐκτροπῆς ἔνεκα τοῖς ἀπηκόοις προὔξενοι, αἰσχύνην δ' ἀνιήστον τῷ γράφαντι παρεῖχεν.* „Невозможно“ — замѣчаетъ Гарнаккъ, — „чтобы тутъ разумѣлся символъ Евсевія кесарійскаго, потому что“ Евсевій „послѣ сообщенія своего символа замѣчаетъ ясно, что онъ въ существенномъ былъ принятъ“¹⁾.

Поэтому Гарнаккъ раздѣляетъ обычное мнѣніе, что *τὸ γράμμα βλασφημίας* представлено было Евсевіемъ никомидійскимъ.

Вопросъ объ этомъ *γράμμα* рѣшается, однако, не такъ просто, какъ кажется Гарнакку. *Шварцъ* видитъ въ словахъ Евстаѳія только „грубо искаженное изображеніе сцены, въ которой Евсевій кесарійскій предложилъ свое Credo“²⁾. И *Зеекъ*³⁾ находилъ, что Евстаѳій скорѣе имѣлъ здѣсь въ виду Евсевія кесарійскаго, чѣмъ никомидійскаго. И это предположеніе не такъ то легко опровергнуть.

Въ пользу обычнаго мнѣнія говорятъ, конечно, дальнѣйшія

1) DGH⁴ 229, 3: Damit kann unmöglich das Symbol des Eusebius von Cäsarea gemeint sein, denn dieser bemerkt (l. c. I, 11) ausdrücklich nach Mittheilung seines Symbols, dass es im Wesentlichen angenommen worden ist.

2) *Schwartz*, VII, 364: eine grob entstellte Schilderung der Scene in dem Euseb von Cäsarea seine Credo vorlegte.

3) *Zeitschrift für KG*. XVII, 554 у *F. Seeberg*, S. 207.

слова св. Евстаѳія (не приводимыя Гарнакомъ въ цитованномъ мѣстѣ его DG): *ἐπειδὴ δὲ το ἔργαστήριον τῶν ἀμφὶ τὸν Ἐὐσέβιον σαφῶς ἐάλω, τοῦ παρατόμου γραμματοῦ διαφραγέτου ὑπ' ὄφει πάντων ὁμοῦ, τινὲς ἐκ σορευῆς τοῦτοια προβαλλόμενοι τῆς εἰρήνης, κατεβήσαν μὲν ἄλλα ταῦτ' ἀριστα λέγειν εἰωθότα.* Выраженіе *οὐ περὶ* или *ἀμφὶ τὸν Ἐὐσέβιον* у современниковъ и позднѣйшихъ историковъ обыкновенно означаетъ сторонниковъ Евсевія *никамидійскаго*, а не кесарійскаго. И повидимому трудно допустить, чтобы символъ Евсевія кесарійскаго, положенный въ основу соборнаго вѣроопредѣленія, былъ разорванъ, какъ „беззаконное писаніе“.

Но съ другой стороны извѣстно, что послѣ никейскаго собора св. Евстаѳій велъ полемику съ Евсевіемъ *кесарійскимъ* ¹⁾, и именно Евсевій кесарійскій былъ главнымъ дѣятелемъ собора, низложившаго Евстаѳія. Именно Евсевій кесарійскій былъ, такимъ образомъ, личнымъ врагомъ св. Евстаѳія. Можно ли поэтому допустить, чтобы Евстаѳій, говоря о никейскомъ соборѣ, упомянулъ о *παρατόμου γραμμα* Евсевія *никамидійскаго* и позабылъ или не хотѣлъ упомянуть о символѣ, прочитанномъ на соборѣ Евсевіемъ кесарійскимъ? И такъ ли невѣроятно, что изображеніе одной и той же сцены, разыгравшейся на соборѣ по поводу вѣроисповѣданія, прочитаннаго Евсевіемъ, вышло столь до противоположности различнымъ подѣ перомъ самого Евсевія и столь открыто нерасположеннаго къ нему, какъ ариану, св. Евстаѳія? Сообщение св. Евстаѳія, допуская, что и у него идетъ рѣчь о *γραμμα* Евсевія кесарійскаго, не стоитъ въ совершенно *непримиримомъ* противорѣчьи съ разсказомъ самого Евсевія. Возможно, что символъ Евсевія сначала не вызвалъ рѣзкихъ возраженій, многіе даже одобрили его, но потомъ, когда дѣло дошло до редактированія новаго символа на основаніи символа Евсевія, поднялись пренія, и рѣшительные противники арианъ, въ родѣ самого Евстаѳія, нашли, что въ цѣломъ этотъ символъ есть „богохульство“, *βλασφημία*. „Богохульство“ можно было усмотрѣть, напр., въ словахъ (о Богѣ Отцѣ) *τὸν τε ἀπάντων* (=рѣшительно всего, слѣд. и Сына и Св. Духа) *ἁρᾶτων τε καὶ ἰσᾶτων ποιητήρ*, въ отсутствіи наиме-

¹⁾ Soer. I, 23; Sozom. II, 15.

нованія Сына Божія *истиннымъ* Богомъ, даже въ выраженіи *πρωτότοκος πάσης κτίσεως*, хотя и взятъ изъ Св. Писанія (Колос. I, 15), но неправильно прилагаемъ къ Сыну Божію, какъ Богу. И въ концѣ концовъ, когда никейскій символъ былъ уже составленъ, символъ Евсевія могъ быть даже и разорванъ рѣшительными антиріанами. Что Евсевій молчитъ объ этомъ неприятомъ для него фактѣ, вполне естественно. И выраженіе *ἀπὸ τὸν Εὐσεβίου* могло быть употреблено св. Евстаѳіемъ и о сторонникахъ Евсевія кесарійскаго: вѣдь говоритъ же Созоменъ II 19 *οἱ ἀπὸ τὸν Εὐσεβίου καὶ Παυλίῳν, τὸν Τύρον ἐπίσκοπον, καὶ Πατρόφιλον τὸν Σχυθολόωος*, гдѣ Евсевій несомнѣнно кесарійскій, а не никомидійскій. Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ Зеебергомъ¹⁾ и я болѣе склоненъ думать, что правильно обычное пониманіе словъ св. Евстаѳія: упоминаемое имъ *παρόνομον ὑπόστασις* принадлежитъ Евсевію никомидійскому, а не кесарійскому. А намекъ на неособенно пріятную для св. Евстаѳія исторію съ символомъ, прочитанномъ Евсевіемъ кесарійскимъ, содержится въ словахъ Евстаѳія: „нѣкоторые по заговору, выдвинувъ имя мира, заставили замолчать всѣхъ умѣвшихъ сказать лучшее“. Св. Евстаѳій не говоритъ прямо о символѣ Евсевія кесарійскаго и ограничивается намекомъ на него именно потому, что для него неприятно было 1) то, что Евсевію удалось оправдаться, и получилось, что какъ будто антиохійскій соборъ 324 года несправедливо подвергъ его отлученію, 2) то, что прочитанный Евсевіемъ символъ легъ въ основу соборнаго вѣроизложенія, какъ будто между умѣвшими говорить наилучшимъ образомъ, между истинно православными епископами, не было никого, кто могъ бы составить символъ и совершенно независимо отъ символа, прочитаннаго бывшимъ покровителемъ Арія.

Но кто такіе были тѣ нѣкоторые, *τινές*, которые заставили замолчать умѣвшихъ сказать лучшее? В. В. Болотовъ. не дожившій до открытія антиохійскаго посланія и потому видѣвшій вслѣдъ за другими въ символѣ Евсевія кесарійскаго только проектъ соборнаго вѣроопредѣленія, предполагалъ въ этихъ *τινές* никого иного, какъ Евсевія кесарійскаго²⁾.

1) E. Seeberg, Die Synode von Antiochien im Jahre 324. 1913. Berlin., SS. 207, 213—217. Ср. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви IV, стр. 33—34.

2) В. В. Болотовъ, Лекціи IV (пря Христ. Чтеніи 1913 г. июль-августъ),

Напротивъ, Э. Зеебергъ видитъ въ этихъ *τινές* не Евсевія, а православныхъ, по всей вѣроятности стоявшихъ близко къ императору, епископовъ. *Συμβουή*, по его мнѣнію, заключена была между этими православными вождями и императоромъ. Вотъ какъ онъ аргументируетъ¹⁾ свое мнѣніе: „Спрашивается—, кто разумѣется подъ *τινές*. Естественно думаютъ прежде всего объ Евсевіи кесарійскомъ и стоящихъ за нимъ лицахъ (und etwa seine Hintermänner). Но противъ этого стоятъ извѣстныя трудности. Вѣдь эти *τινές* дѣйствовали *ἐκ συμβουῆς*. А это — вмѣстѣ съ *κατασίγησαν* — предполагаетъ, что условіе (Verabredung) заключено было также и съ православными. Только они имѣли возможность успокоить своихъ единомышленниковъ (ihre Parteigenossen zur Ruhe zu verweisen). Евсевій кесарійскій не могъ этого сдѣлать (hätte das gar nicht gekonnt). Что могло воспрепятствовать православнымъ (die Orthodoxyie) выступить противъ его исповѣданія? Именно только *συμβουή*, по которой они сами наложили на себя молчаніе. Къ тому же вмѣшательство этихъ *τινές* характеризуется какъ послѣдовавшее ради мира. Поэтому здѣсь нельзя видѣть указанія на принудительное давленіе, которое произведено было на противниковъ православныхъ (Deshalb kann hier nicht auf den zwingenden Druck, der auf die Gegner der Orthodoxen ausgeübt worden ist, abgezielt werden). Если спрашиваютъ, почему православные молчали, то — вѣрно, если указываютъ на исповѣданіе епископа кесарійскаго. Но не онъ самъ, а православные причинили это молчаніе. Объектъ этого замѣчанія Евстафія есть исповѣданіе Евсевія кесарійскаго; его субъекты тѣ православные, которые побудили замолчать выдающихся ораторовъ“. „Но *συμβουή* предполагаетъ двѣ стороны (zwei Teile). Одна состоитъ, какъ мы видѣли, изъ православныхъ вождей; относительно другой нужно думать объ императорѣ. Вѣдь, онъ игралъ рѣшающую

стр. 33—34: „Вѣроятно въ этотъ моментъ“ (когда выяснилось, что „одними библейскими терминами отстранить арианство невозможно“) „выступилъ съ предложеніемъ посредства чловѣкъ умѣвшій „заставить замолчать тѣмъ, которые говорили наилучшимъ образомъ“. Есть основаніе полагать, что лицо это было Евсевія кесарійскій. Возрѣнія его были тѣмъ опаснѣе, что совпадали съ возрѣніями Константина, который въ это время не былъ даже оглашеннымъ“.

1) *E. Seeberg*, SS. 213—214.

роль при исповѣданіи Евсевія кесарійскаго. Самъ епископъ кесарійскій не можетъ здѣсь разумѣться. Все его поведение доказываетъ, что онъ былъ удивленъ словомъ *δμοούβιος* (durch das *δμοούβιος* überrascht), тогда какъ православные приняли это равнодушно, какъ и его исповѣданіе“.

„Подъ *τινές*, которые *καταβύησαν* besorgten, нужно во всякомъ случаѣ разумѣть людей изъ православнаго лагеря; вѣроятно, нужно думать объ епископахъ, стоявшихъ близко къ императору. Слѣдовательно, нѣкоторые члены православной партіи по уговору, который Евстаѣій порицая называетъ *σβικεσίη*, побудили своихъ единомышленниковъ подъ предлогомъ мира, во время извѣстнаго происшествія молчать, и именно такимъ образомъ, что они вообще не имѣли случая выступить съ своимъ мнѣніемъ. Подъ этимъ можно разумѣть только исповѣданіе Евсевія кесарійскаго, и специально то обстоятельство, что оно было возведено въ [соборное] вѣроопредѣленіе [und zwar speciell der Umstand, dass es zum Glaubensdekret erhoben worden ist]“.

„Этотъ результатъ подтверждается хронологическимъ расчлененіемъ замѣтки Евстаѣія. Ибо за „противозаконнымъ писаніемъ“ Евсевія никомидійскаго слѣдуетъ въ ней молчаніе православной партіи, которое можетъ относиться только къ названному ясно, но въ дѣйствительности лежащему между тѣмъ и другимъ“ [zwischen diesen beiden, т.-е. между писаніемъ Евсевія и молчаніемъ православныхъ] „исповѣданію Евсевія кесарійскаго. Только послѣ этого Евстаѣій упоминаетъ о характеристичномъ согласіи арианъ на [подпись] никейскаго [символа, die charaktervolle Zustimmung der Arianer zum Nicänum] ¹⁾, который самъ вообще не названъ прямо, но именно поэтому долженъ былъ быть предметомъ молчанія православныхъ. Но такъ какъ далѣе въ исповѣданіи Евсевія не содержалось ереси, то умолчаніе (das Verstummen) не можетъ означать, что православные „проглядыли“ въ немъ ереси (kann das Verstummen nicht ein Uebersehen von Häresien bedeuten); но—къ чему тогда и смыслъ замѣтки Евстаѣія

1) Св. Евстаѣій послѣ приведенныхъ выше словъ продолжаетъ (Thrdt I. 8, 3) *οἱ δ' Ἀρειομαχίται* (значить *τινές*—не аріоманиты). *δεισόντες γὰρ ἃ καὶ ἡμεῖς τοιαύτης ἐν ταύτῃ ἀγρόδοι συζηροτημένης ἐξοστραχισθέντες, ἀναδεικνύζοντες μὲν προσηρόμεντες τὸ ἀληθοφάνειον δογμα. ἀγρόδοις γράψαντες ἐλογράσαντες αὐτοῖσι.*

сами по себѣ приводятъ — православные не дѣлали вообще никакихъ предложеній и допустили (*duldeten*), что по своему содержанию не подозрительное, но подверженное возраженіямъ (*anfichtbare*) изъ-за личности автора оправдательное исповѣданіе Евсевія было возведено въ основу соборнаго вѣроопредѣленія“.

Какъ ни обстоятельна, повидимому, аргументація Зееберга, едва ли можно согласиться съ нимъ, что св. Евстаѳій поды *τινές*, заставившими, по заговору, замолчать умѣвшихъ говорить лучшее, разумѣть вождей православія, стоявшихъ близко къ императору. Зеебергъ не называетъ по имени ни одного изъ этихъ близкихъ къ императору православныхъ епископовъ. Но очень хорошо извѣстно, что самымъ близкимъ къ Константину епископомъ въ то время былъ Осія кордубскій. И если кто изъ православныхъ, то прежде всего онъ долженъ былъ принять участіе въ заговорѣ, одной стороною котораго былъ Константинъ в. Нѣкоторую близость къ Константину можно предполагать относительно Александра ессалоникскаго и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ западныхъ епископовъ. Изъ православныхъ епископовъ востока едва ли кто былъ особенно близокъ къ императору. Но можно ли допустить, чтобы св. Евстаѳій сталъ обвинять въ *субжеві* Осія кордубскаго и другихъ православныхъ епископовъ запада? Не самъ ли Евстаѳій, по примѣру св. Александра александрійскаго отъ лица созваннаго имъ антиохійскаго собора обратился съ посланіями къ св. Сильвестру римскому и Александру ессалоникскому, имѣя очевидно въ виду привлечь и этихъ митрополитовъ запада къ борьбѣ съ аріанствомъ? И не Осія ли кордубскому православные обязаны были тѣмъ, что императоръ рѣшительно сталъ на ихъ сторону, и дѣло на никейскомъ соборѣ приняло столь неблагоприятный для аріанъ оборотъ? Осія былъ, можетъ быть, даже участникомъ и созваннаго Евстаѳіемъ антиохійскаго собора 324 года и послѣ никейскаго собора до самаго своего паденія въ 357 г. дѣйствовалъ какъ рѣшительный поборникъ православія, твердый защитникъ гонимыхъ евсевіанами восточныхъ никейцевъ и свою вѣрность никейскому символу запечатлѣлъ исповѣдничествомъ. Нужно считать, конечно, высоко вѣроятнымъ, что Константинъ в. предложилъ внести въ никейскій символъ терминъ *ομοούσιος* по внушенію Осія. Но можно

ли допустить, чтобы Осій еще заранѣе, до прочтенія Евсе-
виемъ кесарійскимъ своего символа, сговорился съ импера-
торомъ внести это слово именно въ символъ Евсевія и не
далъ возможности говорить другимъ поборникамъ правосла-
вія? Или св. Евстаѣій, какъ епископъ восточный, недоволенъ
былъ даже самымъ никейскимъ символомъ, его терминами
ἐκ τῆς οὐσίας и *ὁμοούσιον*, и желалъ бы, чтобы соборное вѣро-
изложеніе составлено было въ болѣе пріемлемыхъ для вос-
точныхъ богослововъ выраженіяхъ? Антиохійское вѣроизло-
женіе, дѣйствительно, не содержитъ никейскихъ терминовъ.
Но о св. Евстаѣіи мы знаемъ, что послѣ 325 года онъ велъ
полемику съ Евсевіемъ кесарійскимъ именно изъ-за никей-
скаго символа, обвинялъ Евсевія въ томъ, что онъ извра-
щаетъ никейскую вѣру, и около 330—332 г. былъ изложенъ
евсевіанами, по обвиненію, между прочимъ, и въ савелліан-
ствѣ, т.-е. какъ поборникъ никейской вѣры.

По моему крайнему разумѣнію, уже самый тонъ, въ ка-
комъ говорить св. Евстаѣій объ этихъ *τινές*, препятствуетъ
видѣть въ нихъ вождей православія. Что это и не явные
„аріоманиты“, доказываетъ контекстъ. Но это не мѣшаетъ
видѣть въ нихъ аріанъ скрытыхъ, или же—вѣроятно—тѣхъ
перѣшительныхъ епископовъ, которые не придавали особенно
важнаго значенія спорному догматическому вопросу, подня-
тому въ Александріи и волновавшему весь востокъ, и ни къ
чему такъ не стремились, какъ только къ тому, чтобы пре-
кратились богословскіе споры, и водворился миръ въ церкви.
Среди этихъ перѣшительныхъ епископовъ могли быть и
друзья и почитатели ученаго епископа Кесаріи палестинской.
На соборѣ они не составляли, какъ принято было думать
раньше, особой сплоченной „средней партіи“, потому что не
имѣли ни признаннаго вождя, ни опредѣленныхъ догматиче-
скихъ убѣжденій. Но въ рѣшительную минуту они, повиди-
мому, сыграли довольно важную роль на никейскомъ соборѣ.
Евсевія кесарійскаго заставили прочитать исповѣданіе вѣры
для своего оправданія. Прочитанный имъ символъ получилъ
неожиданно одобреніе со стороны императора, предложившаго
внести одно только слово *ὁμοούσιος*. Для вождей православія
былъ поводъ возражать противъ этого одобренія, высказа-
ннаго символу, прочитанному подозрѣваемымъ въ неправосла-
віи, отлученнымъ епископомъ, и выступить съ своими

проектами вѣроопредѣленія. Но ихъ заставили замолчать. И, повидимому, заставилъ не императоръ, а тѣ нерѣшительные, которымъ, какъ и Константину, символъ Евсевія показался достаточно хорошимъ, вполне способнымъ водворить миръ въ церкви. Эти нерѣшительные поспѣшили заявить, что и они вѣрують согласно съ кесарійскимъ символомъ, и вожди православія, увидѣвъ что императоръ не одинокъ въ своемъ отношеніи къ этому символу, постарались только редактировать его такъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ символомъ противоярианскимъ и не оставилъ арианамъ никакой лазейки.

Можно допустить также, что лица, участвовавшія въ *συμβεῖν*, уже заранѣе знали, что Евсевія кесарійскаго заставятъ прочитать исповѣданіе вѣры, и они заранѣе рѣшили высказать этому исповѣданію свое одобрение и, можетъ быть, даже повлияли въ этомъ смыслѣ какимъ-нибудь путемъ и на самого императора.

„Другой стороной“ въ этой *συμβεῖν* могъ быть и не императоръ, а напр. самъ Евсевій кесарійскій; или же и никакой „другой стороны“ не было, а заговоръ заключенъ былъ между извѣстной группой епископовъ.

Изъ дальнѣйшихъ словъ св. Евстаѳія видно, что главною причиною его недовольства ходомъ дѣлъ на никейскомъ соборѣ были дальнѣйшія событія: „аріоманиты“, увидѣвъ, что имъ угрожаетъ лишеніе кафедръ, поспѣшили подписать отвергаемый ими догматъ, удержали свои видные кафедры и послѣ собора начали свои интриги противъ поборниковъ православія ¹⁾. Въ какой связи эти дальнѣйшія событія стоятъ съ самой исторіей составленія никейскаго символа, не вполне ясно. Но едва ли Евстаѳій недоволенъ былъ, какъ думаетъ Зеебергъ, только тѣмъ, что въ основу символа положенъ былъ символъ, прочитанный отлученнымъ Евсевіемъ. Скорѣе можно допустить, что Евстаѳій не вполне удовлетворенъ былъ

1) Thdrt, I, 8, 4—5: τῶν δὲ προεδρῶν διὰ πλείστης ὁμοῦ περιφορῆς κρατήσαντες θεῶν αἰτόντες ἐπόπτεον λαμβάνειν, τότε μὲν κληθέντων, τότε δὲ προφανῶς τὰς ἀπορητισθείσας πρεσβεύονσι ὁδοῦς, διαφόροις ἐπιβουλεύοντες τοῖς ἐκείνοις βουλόμενοι δὲ παρῶσαι τὰ ζῆτανώδη φητορορήματα, δεδοίκασι τοὺς ἐπιγνώμονας, ἐκκλίνουσι τοὺς ἐφόρους καὶ ταῦτα τοὺς τῆς εὐσεβείας κήρυκας ἐκπολεμοῦσαν. οὐχ οὕτως δὲ πιστεύομεν ὡς ἀνθρώπων ἀθέου δύνασθαι κρατῆσαι πῶποτε τοῦ θεοῦ. κἄν γάρ πάλιν ἰσχύσωσι πάλιν ἠτηθήσονται, κατὰ τὸν συμφέρονον προφήτην Ἠσαΐαν (Ис. 8. 9).

самымъ символомъ. Какъ ни неприятны были арианамъ такіа выраженія, какъ *γεννηθέντες ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς* и *ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ*, они все-таки, какъ доказываетъ письмо Евсевія кесарійскаго къ своей паствѣ, ухитрялись перетолковывать ихъ въ приемлемомъ для нихъ смыслѣ. Можетъ быть св. Евстаѳій желалъ такого вѣроизложенія, которое не допускало бы никакихъ перетолкованій, и подпись подъ которымъ для покровителей Арія была бы невозможна безъ открытаго отреченія отъ ранѣе высказываемыхъ ими взглядовъ. Но вѣроятно же, что св. Евстаѳій недоволенъ былъ не самымъ символомъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что покровителямъ Арія дана была возможность такъ легко отдѣлаться, что соборъ не вошелъ въ обсужденіе ихъ прежней дѣятельности въ пользу Арія. и, неискренно подписавшись подъ символомъ, они остались на своихъ каедрѣхъ. Хорошо понимавшій цѣну этимъ подписямъ, св. Евстаѳій, вѣроятно, желалъ бы, чтобы оба Евсевія *sim sociis* уличены были на соборѣ въ арианствѣ и лишены своихъ каедръ, или, если и оставлены на нихъ, то послѣ открытаго признанія въ своихъ раннѣйшихъ заблужденіяхъ.

Но если упоминаемое св. Евстаѳіемъ *παράνομον ὑπόμνημα* принадлежало, и по моему мнѣнію, Евсевію никомидійскому, а не кесарійскому, то еще вопросъ: представляло ли это *ὑπόμνημα* проектъ вѣроопредѣленія, предложенный самимъ Евсевіемъ никомидійскимъ? Не было ли это просто одно изъ раннѣйшихъ сочиненій Евсевія, представленное на соборѣ къмъ либо изъ его противниковъ въ доказательство его неправославія?—Да если это былъ и символъ. то и его Евсевій никомидійскій могъ прочитать, какъ и Евсевій кесарійскій, въ свое оправданіе. Вѣдь, хотя Евсевій никомидійскій и не былъ отлученъ ни однимъ соборомъ, но онъ былъ хорошо извѣстенъ сторонникамъ св. Александра александрійскаго, какъ виднѣйшій покровитель Арія, и, когда выяснилось, что большинство собора рѣшительно противъ Арія, отъ Евсевія и могли потребовать исповѣданія вѣры.

Что касается ссылки Гарнакка на образъ дѣйствій на ни-

1) R. Seeberg, DC II² (Lpz. 1910) S. 35, Anm. (вслѣдъ за Holl'емъ); E. Seeberg, SS. 155—156. Ср. у меня, Къ вопросу объ антиох. соб. I, 80—81, III 82 (—Виз. Врем. XIX, 136, а не 55, какъ ошибочно стоитъ въ I, 80).

2) Aber diese Auskunft ist haltlos.

кейскомъ соборѣ Маркелла анкирскаго, то въ словахъ Маркелла (въ посланіи къ Юлію римскому у Epirh. haer. 72, 2), которыя онъ, кажется, имѣетъ въ виду, другіе ученые ¹⁾ видятъ указаніе на раннѣйшее осужденіе Евсевія кесарійскаго, и, слѣдовательно, аргументъ за подлинность спорнаго посланія антioxійскаго собора 324 года. А съ другой стороны: въ приведенныхъ словахъ Маркелла (равно какъ и въ передачѣ ихъ у Гарнакка) нѣтъ никакого указанія на то, что и Маркеллъ представлялъ на соборѣ свое исповѣданіе вѣры. Поэтому цѣль ссылки на нихъ у Гарнакка для меня совершенно непонятна.

Далѣе Гарнаккъ выдвигаетъ *argumentum a silentio*. О томъ, что Евсевій кесарійскій явился на соборъ, какъ отлученный, молчить не только самъ Евсевій, но и его рѣшительный противникъ Аѳанасій, который не забываетъ даже въ своей апологійи противъ аріанъ (п. 8) привести слухъ, что Евсевій приносилъ жертву во время гоненія.—Швартцъ говоритъ: „онъ (Аѳанасій в.) имѣлъ на то свои основанія“, но можно ли успокоиться на этомъ выходѣ изъ затрудненія? ¹⁾ Швартцъ самъ видитъ, что это объясненіе не подходитъ (*dass das nicht wohl angeht*), и думаетъ объяснить молчаніе Аѳанасія желаніемъ не затрагивать памяти Константина в. Но и это объясненіе несостоятельно ²⁾; ибо отлученіе Евсевія болѣе, чѣмъ 50 ю епископами имѣло значеніе само по себѣ (*war eine Tatsache für sich*), и реабилитація его императоромъ ничего не измѣнила въ этомъ фактѣ, ибо Евсевій, по сужденію Аѳанасія и всякаго понимающаго дѣло, въ Никеѣ скрылъ свое истинное мнѣніе. Слѣдовательно, императоръ былъ достаточно оправданъ (*entlastet*). Насколько Аѳанасій заботился, чтобы показать Евсевія въ самомъ дурномъ свѣтѣ, видно особенно ясно (*geht schlagend*) изъ того факта, что онъ не стыдится повторить слухъ, что Евсевій принесъ жертву во время гоненія. Почему же онъ не рассказывалъ тогда, что онъ былъ отлученъ? Почему онъ пишетъ, напр., (Apol. с. ar. 6), что группа Евсевія никоидійскаго чрезъ отлученіе Арія (Александромъ александрійскимъ) сама оказалась отлученною, *selbst als excommunicierte vorkam* [въ подлинникѣ въ дѣйствительности стоитъ *ἐαυτοὺς ἐκβεβλήθησαν τομίζοντες* = считая себя отлученными вмѣстѣ съ Аріемъ] „но не прибавляетъ,

¹⁾ S. 406: aber darf man bei dieser Verlegenheitsauskunft beruhinen?

что вскорѣ послѣ того трое изъ нихъ—въ числѣ ихъ знаменитый кесарійскій епископъ—дѣйствительно были отлучены? Почему изображаетъ онъ (De decret. Nicaen. syn. 3) Евсевія на никейскомъ соборѣ, сообщаетъ о его колебаніи въ отношеніи къ православнымъ боевымъ словамъ (Stichworte), рассказываетъ о его письмѣ, но молчитъ о фактѣ, что онъ стоялъ на соборѣ какъ обвиненный? Нельзя иначе думать: Аѳанасій не зналъ объ отлученіи Евсевія въ Антиохіи; слѣдовательно его и не было“. Въ этой аргументаціи довольно комично то, что знаменитый ученый какъ будто не замѣчаетъ, что его цитаты изъ „апологіи противъ аріанъ“ Аѳанасія в. относятся собственно къ приводимому въ ней посланію александрійскаго собора 339 года: *Ἰδοὺ μέγα μὲν ἀγαπῆτοὶ ἀδελφοί*“ (пп. 3—19) и, слѣдовательно, едва ли принадлежатъ самому Аѳанасію в. А изъ египетскихъ епископовъ никто на антиохійскомъ соборѣ 324 года не присутствовалъ, а на соборѣ никейскомъ дѣло могло быть по желанію императора поставлено такъ, что епископы, не участвовавшіе на антиохійскомъ соборѣ и не получившіе отъ него посланія, просто даже и не слышали объ отлученіи, наложенномъ этимъ соборомъ на трехъ епископовъ.

Свящ. Д. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
